

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	34
Глава 4	56
Глава 5	62
Глава 6	82
Глава 7	91
Глава 8	99
Глава 9	114
Глава 10	123
Глава 11	134
Глава 12	144
Глава 13	152
Глава 14	168
Глава 15	172
Глава 16	181
Глава 17	187
Глава 18	191
Глава 19	217
Глава 20	225

Глава 1

*“Однажды я решил записать все,
что еще помню,
но руки не слушались”*

Эд.

Сложно начать, когда все кончено.

Когда вам восемь лет, а может восемнадцать, двадцать два или тридцать два года, в вашей жизни есть столько же ужасных моментов, сколько и теплых, трогательных, утешающих вашу душу. Это же жизнь - так говорят, когда хотят показать, насколько все непредсказуемо, больно, как внезапно все может обернуться. Не стоит ничему удивляться.

Я уже и не удивляюсь. Боль меня кое-чему научила.

Жизнь разбросана на части. Прошое, настоящее. Будущее.

Если бы прошлое ничего не значило, никто бы не сравнивал себя с самим собой вчерашним, с тем, кто еще мало чего добился. Хотя, собственно, зачем придавать такое огромное значение своему развитию, своему будущему?

Должна же быть цель существования. Должна?

Некоторые называют это иначе. Судьба. Но на протяжении жизни, мы разбиваем ее на части, отмечая хоть какой-то рост. Хотя бы горизонтальный.

А если тупик? Если раскинул, как карты перед глазами, все, что мог вспомнить, и все уместилось в несколько фрагментов? Как этот потолок из шестнадцати квадратов. Интересно, вот это и есть конец?

Кто хотел бы прожить свою жизнь заново? Я тоже нет.

Много чего вспоминаю. Сейчас это к лучшему. Память надо тренировать.

Это жизнь. Я ничему не удивляюсь.

Отрываю взгляд от потолка. Зеленые шторы (наверное, трава такого цвета) задернуты, как всегда. За ними еще

полотно на стекле, на всякий случай. Макс постарался. Такое же зеленое бархатное кресло с высокой спинкой у кровати. Помню эту просторную палату, но что за больница - вылетело из головы, как и многое другое.

Хочется вспомнить спокойное время, период, когда все удавалось и получалось, но за мыслями не поспеваешь. Только на ум придет уютный дом, единственное место, где я чувствую себя в безопасности, как ни странно, как тут же воспоминания уносят далеко-далеко.

Воспоминания...почему они имеют ценность только в определенное время? Они становятся дорогими только через несколько дней, недель, месяцев. И чем дальше мы от них, тем они выше и выше в списке. То, что хочется надолго задержать в памяти, так же бесценно, как и то, что хочется забыть и никогда не вспоминать.

Помню, с чего все началось. Мой друг и партнер по работе часто бывал у меня дома, для меня он как старший брат, не иначе. Помню, как однажды Макс отвлек меня от мыслей своим серьезным, но в то же время размеренным тоном, каким разговаривал со мной очень редко. Отвлек, но свои мысли об одной, терзающей меня ситуации, я далеко не упустил: я думал о той девушке, которую случайно нашел на обочине пару лет назад. Пока я нес ее на руках до машины, какое-то время она пыталась говорить, но превратилась в беспомощную русалку, безмолвно хватающуюся за воздух. У нее была повреждена рука, к тому же на ладони я ощутил грубый шрам. Как она оказалась на том участке дороги, большой вопрос, но в ту секунду я лишь думал, как отвезу ее в больницу. Точнее отвезти я смог, а подойти ближе десяти метров к освещенному крыльцу здания для меня было невозможно. Ситуацию спас появившийся парень в медицинском халате, возможно, медбрат, которому я передал пострадавшую. Я точно помню, как на клочке бумаги написал, где и в каком состоянии ее нашел и свой

телефон. Ее кровь узором осталась на моей куртке, а беспокойство так и засело во мне.

Наутро мне никто не позвонил. На следующее тоже. И через неделю. И почти через два года. Все это время я думал о ней. Почему она оказалась далеко от города? Неужели потеряли листок с моим номером? Кто она? Почему по телефону не дали информацию о ней? Подходя к страшной мысли, я бросал думать о ней. И снова возвращался, не понимая, почему так привязан к этой истории.

— Так ты собираешься на совещание? — мой друг подошел ко мне и присел в кресло напротив, поставил кофе на столик. Он знал расположение моей гостиной, поэтому хорошо ориентировался в темноте. Чтобы совсем не потонуть в ней, на острове, что называется в моем доме кухней, зажжен небольшой светильник, так, чтобы свет не падал на меня, но позволял видеть собеседника и границы вокруг.

Он с нетерпением поправил рукав рубашки. Да, мое редкое появление в компании тормозило не только его. Но кто бы мог подумать, как этот вечер изменит мою жизнь.

— Конечно. Твои работники и ночью готовы прийти и смотреть на меня, — я слегка улыбнулся, глядя, как он воспринимает сказанное всерьез. Мысли о девушке лучше отложить.

Макс недовольно продолжил. Стало тяжело его слушать, о том, что я несерьезен. Этой светлой голове нашей компании достался такой друг, как я. Мы с ним знакомы, не помню сколько, и мое “не помню” - одна из проблем.

— Послушай, когда это стало нормальным при увольнении выплачивать «отпускные»? Человек сам захотел уволиться, принял взвешенное решение, работу нашел, почему за него кто-то должен думать о его планах на полгода вперед?

—Ты что это? — мой друг откинулся на спинку. — Тебя не устраивает демократия? Когда-то человек сам к этому пришел, остальные всего лишь поддержали. Но что на тебя нашло? Это запланировано в бюджете.

—Я не о том. Почему понимание этого пришло к нам только в прошлом веке, а не пять сотен назад? Что мы делали все двадцать веков? Почему вчера раб был рабом, а сегодня мы его не можем уволить, потому что он знает свои права, и по трудовому кодексу должны терпеть его еще две недели и выплачивать не только зарплату, но и пособие, а еще два месяца делать за него отчисления? и главное, это *нормально!* Настолько обыденно, что я не понимаю, когда мы стали думать по-другому, как мы пришли к этому?!

—Это процесс эволюции, развития. До нас оно было в другой форме. Мы сначала ходили на четырех ногах, если хочешь знать. Много времени требуется, чтобы высоко держать голову. Именно держать. Первые, кто пытались только поднять ее, считались революционерами, хуже изгоев. Мы боролись за каждое право. Человечество боялось предрассудков, новизны. Но рабу надоело быть рабом, потом он захотел, чтобы и другие считались с ним. И к чему это все?

—Чтобы чего-то добиться, необходимо пережить потери?

—Теперь это называется голосованием и референдумами. Никто не выступает на улице за то, чтобы сократили рабочий день. Но согласен, теперь мы все слишком много думаем. Возможно, потому что нас стало очень много.

Я взял со стола чашку кофе. Очередной разговор, он ни к чему не приведет.

— Как обычно заранее ночью приеду на десятый этаж. Собрание проведем рано утром.